

ЛАНДАУ В. К. — в ПОМПОЛИТ

ЛАНДАУ Вера Константиновна, родилась в 1900-х. Окончила Государственный Институт Истории Искусств в Ленинграде, искусствовед, лектор, экскурсовод, с 1929 — работала научным сотрудником Эрмитажа. Вышла замуж, с 1931 — в разводе с мужем. В марте 1935 — выслана из Ленинграда в Астрахань на 5 лет; в декабре постановление о высылке было отменено, но от высылки не была освобождена.

В декабре 1935 — к Михаилу Львовичу Винаверу обратился за помощью ее отец, К. А. Герц.

«Ленинград, 18/XII - 35 г<ода>.

Уважаемый Михаил Львович.

В последнее мое посещение (13/XII) Вы указали, что было бы нелишним подать от моего имени заявление в НКВД, т<ак> к<ак> заявление, которое мною было передано Вам 19/IX лишь для ориентировки в деле, не освещает в достаточной степени дела, останавливая внимание всецело лишь на том поводе к высылке, какой был указан на словах при объявлении распоряжения о высылке.

Препровождаемое при этом заявление страдает, конечно, многими недостатками и прежде всего длиной. Но я считал необходимым коснуться обстоятельств, лично меня касающихся, полагая, что эти обстоятельства, в связи с моим соц<иальным> происхождением и трудовым стажем, не могут быть безразличны и при оценке и характеристике дочери и решении дела о ней.

Я должен сказать, что мой трудовой стаж начался с подготовительного класса гимназии, когда я обучал за полтора руб<ля> в месяц грамоте русской каких-то двух евреек, имевших шляпный магазин. Каждые каникулы летние я посвящал тоже не столько отдыху, сколько работе для получения средств на книги, обмундирование и т<ому> п<одобное>. Так, одно время я был табельщиком в железнодорожных мастерских, одни каникулы работал в качестве чертежника в Чусовском заводе.

Гимназию мне все-таки удалось закончить отчасти вследствие болезни, отчасти по недостаточности средств. От недостаточного питания и плохих бытовых условий я в течение ряда лет страдал карбункулом или чем-то в роде этого. Прямо со школьной скамьи (из 6 кл<асса>) я поступил письмоводителем к суд<ебному> следователю в далекий Соликамск, и только после годичного пребывания в этом глухом углу, где теперь открыты и разрабатываются богатые фосфориты, мне удалось попасть в окр<ужной> суд.

В дальнейшем я выдержал испытание на звание поверенного по суд<ебным> делам и почти все время состоял юрисконсультom разных учреждений и предприятий.

Никогда никаких у меня <не было> ни недвижимых имений, ни капиталов. При большой семье (было пятеро детей, и на моем же иждивении находились отец и мать) все, что я ни зарабатывал, шло на прожиток, на расходы по образованию детей (всем было дано высшее образование).

Мне 70-й год, я уже, как говорится, стою одной ногой в гробу, а потому мне не пристало говорить неправду. Конечно, мне как отцу, защищающему свою дочь, могут не поверить, но я должен прямо сказать и беру ответственность за свои слова, что дочь переживает в связи с высылкой. Трагедия еще и потому, что она, будучи убежденной

последовательницей Ленинско-Сталинского учения, признана социально опасной, и видит в ее высылке надругательство над ее человеческим достоинством и глубокую ошибку, и несправедливость в причислении ее к контрреволюционным элементам.

Я обращаюсь к Вам, уважаемый Михаил Львович, с просьбой не отказать в возможном с Вашей стороны содействии к реабилитации дочери и тем спасти не только человека, но и полезного работника, который доказал и еще больше докажет свое страстное желание отдать все свои силы на участие в общей работе по строительству светлой радостной жизни всех трудящихся.

Простите за нескладное письмо и не откажите принять уверение в моем глубоком к Вам уважении.

Константин Герц»¹.

В январе 1936 — Вера Константиновна Ландау обратилась за помощью к Михаилу Львовичу Винаверу.

«Астрахань 18/1 - 1936 г<ода>.

Михаил Львович!

Обращаюсь к Вам с просьбой передать мое заявление в НКВД и по мере возможности способствовать ускорению рассмотрения моего дела.

Я не знаю, какие мне найти слова, как просить об ускорении рассмотрения дела, в основу кот<орого> положено явно абсурдное обвинение; я не знаю, где мне еще найти сил, чтобы далее исключить гнетущий незаслуженный стыд от наложения на меня позорного пятна социально опасной.

Может быть, возможно получить разрешение приехать ненадолго в Москву, чтобы при личном допросе, при столкновении с живым человеком могло выясниться все то, что до сих пор является препятствием для рассмотрения моего дела.

Поймите мою боль и скорбь от незаслуженного унижения, мое горячее стремление вернуться к любимому делу, кот<орое> является стержнем и смыслом жизни.

Обращаюсь к Вашему чувству человечности, — окажите возможное содействие.

Прилагаю заявление в НКВД и заявление разрешения приехать в Москву.

Вера Ландау.

Астрахань, ул<ица> Молодой Гвардии, д<ом> 13/32, кв. 62.
18/1 - 1936 г<ода>².

К письму Веры Константиновны Ландау было приложено заявление в НКВД.

«В Народный Комиссариат Внутренних Дел

б<ывшего> научного сотрудника
Гос<ударственного> Эрмитажа
Ландау Веры Константиновны.

Заявление

¹ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1519. С. 50-53. Автограф.

² ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1519. С. 44. Автограф.

18 мая 1935 г<ода> моим отцом, Герц К. А., была подана Зам<естителю> Прокурора Союза, тов<арищу> Леплевскому просьба о пересмотре постановления НКВД от 3 марта 1935 г<ода> о моей высылке из Ленинграда в Астрахань на 5 лет.

Более 3-х месяцев тому назад получено заключение Ленинградского Обл<астного> Прокурора о том, что постановление о моей высылке состоялось без достаточных оснований.

Неужели это веское обстоятельство не является достаточным основанием для ускорения пересмотра дела и отмены ошибочно вынесенного постановления?

В поданных в Прокуратуру заявлениях с представлением справок уже доказано, что предъявленное мне здесь официальным порядком обвинение, по которому я признана социально опасной, как дочь бывшего судебного чиновника, лишена всякого основания и является грубой ошибкой.

По своему происхождению я отнюдь не являюсь классово-чуждой. Мой дед отбыл 25 лет солдатчины и, конечно, много потерял от господ офицеров; разве справедливо, что его внучка унижительно присоединена к высланным теперь господам офицерам? Мой отец, если и служил в молодости недолго в Окружном суде, то занимал должность не выше пом<ощника> секретаря. Дед был приписан к мещанам г<орода> Перми, и отец даже не имел прав государственной службы по прежним законам.

Если в моей высылке сыграл роль мой брак с б<ывшим> ссыльным, то в дальнейшем уже разъяснялось, что связь с мужем порвана окончательно со времени его высылки, с января 1931 г<ода>, и что брак мой с ним был печальной ошибкой.

Но ведь и наша великая партия ошибалась в отдельных лицах, неужели возможно покарать меня самой тяжкой карой — причислить меня к врагам моей родины — за мою ошибку в человеке?

Большой болью я уже поплатилась за эту ошибку, и неужели еще из-за нее может погибнуть вся моя жизнь? Я так была предана своей работе в Эрмитаже, все свое время и силы я отдавала ей.

С 29 г<ода> вместе с небольшим коллективом, окончивших со мной Гос<ударственный> Институт Истории Искусств, мы работали дружно, горячо и жадно вырабатывая из себя марксистских искусствоведов, лекторов и экскурсоводов. Своей работой я чувствовала себя крепко спаянной с победоносным потоком нашей жизни. Отрыв от своей работы, возможность ее утраты я переживаю с большей болью и скорбью, чем пережила бы личную утрату — любимого человека, отца, матери.

Как работнику идеологического фронта, мне вообще закрыт теперь доступ к работе по моей специальности.

А так хочется смеяться с общей волной нашей изумительной жизни, так хочется работать, всю себя отдавая любимому делу.

С такой напряженной надеждой я жду момента, когда, наконец, я сброшу унижительный гнет стыда, в котором я неповинна, — момента, когда я снова буду иметь право разделять со всеми упоительную радость и гордость нашими достижениями, нашими завоеваниями, когда я снова буду включена в захватывающий поток жизни и вместе со всеми буду повторять: "Жить стало лучше, жить стало веселей".

Прошу ускорить рассмотрение моего дела, прошу снять с меня тяжкий гнет обвинения, переносить который у меня нет более ни нравственных, ни физических сил. Смерть менее страшна, чем положение отверженной, какой-то ненужной шелухи, когда весь смысл жизни, все желания, все мысли и чувства направлены к тому, чтобы быть вместе со всеми, быть хотя бы крошечной, но неразделимой частью нашей большой изумительной жизни.

Вера Ландау.

Астрахань»³.

В феврале 1936 — Вера Константиновна Ландау вновь обратилась за помощью в Помполит.

<1 февраля 1936>

«В общество помощи политзаключенным

б<ывшего> научного сотрудника
Гос<ударственного> Эрмитажа
Ландау Веры Константиновны

Заявление

Более 3-х месяцев тому назад состоялось постановление Ленинградской прокуратуры о неосновательности моей высылки в Астрахань на 5 лет, состоявшейся по постановлению НКВД в Ленинград от 3/III-1935 г<ода>.

В основе предъявленного мне здесь официального обвинения лежит грубая ошибка — я признана соц<иально> опасной, как дочь б<ывшего> судебного чиновника, каковым мой отец никогда не был.

И, тем не менее, дело мое остается не разобранным.

Считая, что личный допрос, знакомство с живым человеком может дать существенное освещение делу, прошу содействовать моей просьбе разрешить мне приехать в Москву на несколько дней для подачи личных показаний.

Вера Ландау.

Астрахань. 1 р<айон>.

Ул<ица> Молодой Гвардии, д<ом> 13/32, кв. 62»⁴.

³ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1519. С. 45-46. Автограф.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1519. С. 42. Автограф.